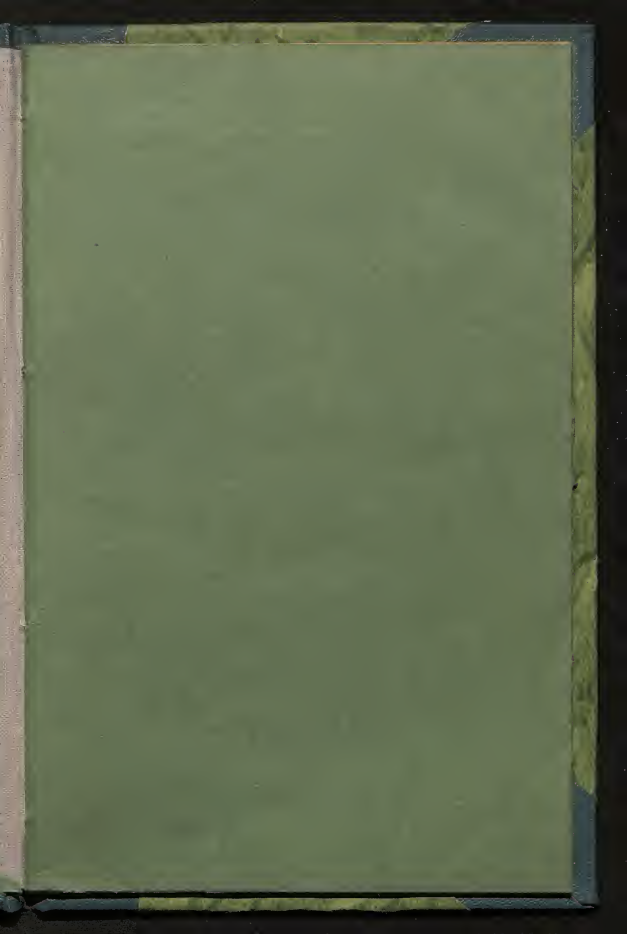

ГИ125
В7/5

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

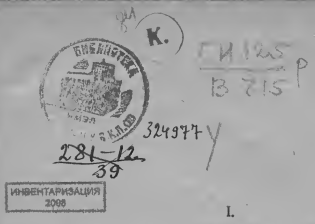
№ 60.

М. Вишнякъ.

Учредительное Собраніе и пропорціональные выборы.

Цѣна 25 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Ц. К. Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Лиговская, 34.
1917.

I.

Если можно спорить о размахѣ и предѣлахъ русской революціи, о томъ, „большая" она или „малая", буржуазная или трудовая, политическая или соціальная, о ея содержаніи и міровомъ значеніи,—то внѣ спора самый фактъ совершающагося и грядущаго творчества новыхъ формъ жизни—въ хозяйствѣ въ бытѣ и, прежде всего, въ *правѣ*.

Въ до-революціонную пору ученые доказывали органическое и гармоническое развитіе права или „логическую законченность" и „отсутствіе пробѣловъ" въ системахъ дѣйствующаго права. Соотвѣтственно съ этимъ отстаивалась и принципіальная неприкосновенность положительнаго права, независимо отъ содержанія права и условій его происхожденія. Только единичные голоса раздавались среди офиціальныхъ представителей науки, которые указывали, что жизнь права складывается далеко не такъ, какъ ее предусматриваетъ законодатель; что законъ—это лишь „кусокъ человѣческаго предвидѣнія", лишь „набросокъ будущаго желательнаго правового строя". Рѣзкимъ диссонансомъ прозвучали въ свое время слова Іеринга: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое", „каждый долженъ считать своею обязанностью разбить голову гидры произвола и беззаконія, какъ только она осмѣлится показаться", „безъ труда добытое право стоитъ въ томъ же положеніи, въ какомъ находятся дѣти, принесенныя аистомъ: то, что принесъ аистъ, могутъ унести лисица или коршунъ"... Столь же необычнымъ и противорѣчающимъ „общему мнѣнію докторовъ права" явилось и мнѣніе Еллинека, повторившаго здѣсь Лассаля, о томъ, что „исторія права есть въ то же время исторія переворотовъ въ правѣ"; что „въ нашей государственной жизни мы не можемъ обойтись безъ революціонныхъ подъ-основъ".

Революція поставила насъ передъ фактомъ. Старый порядокъ и право оказались „прикосновенными": самодержавіе исчезло, разсѣявшись, какъ кровавый туманъ или призракъ. Революція—въ процессѣ правотворчества. Подтверждаются слова Іеринга: „времена политическихъ переворотовъ, революцій, анархій, — школьные часы исторіи, въ которые послѣдняя читаетъ народамъ лекцію о правѣ и государствѣ". Непосредствено въ своемъ опытѣ и переживаніяхъ мы,

граждане Россіи, и переживаемъ эту истину, какъ фактъ самоочевидный и непреложный. Революція ведетъ насъ не только къ торжеству справедливаго права, но и къ торжеству права вообще.

Въ ряду идей права, которыми обвѣяны всѣ революціи міра, основной и первичной является идея *народоправства* и *народовластія*. Всякая революція опирается на эту идею. Революціи дѣлаются во имя этой идеи. Народъ—единственный правомѣрный властелинъ. Народная воля—это законъ. Эта простая и величественная мысль, провозглашенная наканунѣ великой французской революціи Руссо, остается нерушимой до нашихъ дней, до эпохи второй великой россійской революціи.

Учредительное собраніе революціонной Франціи стало передъ необходимостью, признавая народъ за единственный источникъ власти въ государствѣ, признать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что народное верховенство практически есть верховенство большинства народа. Революціонная Франція признала, что верховенство всегда остается за народомъ, но осуществленіе этого верховенства непосредственно народомъ не всегда возможно. „Я не считаю возможнымъ, чтобы въ наше время и при нашихъ условіяхъ суверенъ могъ сохранить пользованіе своими правами, если государство не очень мало",—писалъ Руссо въ „Общественномъ договорѣ" (кн. III, гл. XV). И, въ частности, Франція 1789 г. была уже къ тому времени недостаточно „мала", чтобы полностью осуществить принципы прямого народоправства. Этимъ объясняется, почему наряду съ ученіемъ о народномъ верховенствѣ въ ту же эпоху великой французской революціи прозвучали слова Сійеса: „гдѣ, какъ не въ національномъ собраніи, искать воли націи" и слова Робеспьера (даже Робеспьера!): „національное собраніе—это высшая воля народа, не требующая ничьей санкціи: ни короля, ни народа".

Если народная воля—источникъ и средоточіе всей власти, и народное представительство—лишь суррогатъ подлиннаго народоправства, то задача политическаго искусства состоитъ въ томъ, чтобы, по возможности, сблизить народное представительство съ народомъ, сдѣлать такъ, чтобы воля народа получила, по возможности, полное выраженіе и отраженіе въ волѣ народнаго представительства, чтобы парламентъ сталъ копіей съ оригинала, „зеркаломъ", „географической картой" или уменьшенной „фотографіей" съ воли народа.

Какъ достигнуть такого совпаденія, какъ приблизиться къ такому совпаденію? Этотъ вопросъ стоялъ передъ французскимъ учредительнымъ собраніемъ 128 лѣтъ тому назадъ. Онъ становился передъ всѣми демократіями міра всякій разъ, когда получала торжество народная воля. Этотъ вопросъ становится сейчасъ передъ Россіей. И становится самымъ острымъ образомъ. Ибо никогда еще въ міровой исторіи не было случая, чтобы народъ переходилъ къ творче-

ству новыхъ формъ жизни въ такихъ условіяхъ, въ какихъ приходится дѣлать это народамъ Россіи.

Все, что въ другихъ странахъ и въ другое время назрѣвало постепенно и что получало свое разрѣшеніе и выходъ постепенно же,—все это теперь самымъ рѣшительнымъ образомъ стало на очередь и властно требуетъ своего разрѣшенія въ Россіи XX вѣка, требуетъ немедленнаго и точнаго рѣшенія, не взирая ни на какія условія міровой войны. И то, что разрѣшалось въ другихъ странахъ при отсутствіи развитой соціалистической доктрины, то у насъ неминуемо получитъ разрѣшеніе при наличности дѣйственнаго соціалистическаго движенія. Это открываетъ широкіе горизонты, но это же налагаетъ и серьезную отвѣтственность. Соціалистическое движеніе должно стать вровень съ величиной тѣхъ политическихъ и соціальныхъ задачъ, которыя стоятъ сейчасъ передъ человѣчествомъ и передъ нашей родиной.

Во Франціи, въ 1789 г., учредительное собраніе создалось неожиданно даже для „чиновъ" тѣхъ трехъ сословій, которые, объединившись въ національное собраніе, присвоили себѣ учредительную власть и объявили себя Конституантой. Своихъ представителей въ генеральные штаты народъ не уполномочивалъ представлять народную волю въ учредительномъ собраніи. Также и въ 1871 г. французское національное собраніе, избранное для заключенія мира съ Германіей, не признало своихъ полномочій исчерпанными заключеніемъ мира, а присвоило себѣ учредительныя права, ему французами не довѣренныя. Такъ же поступилъ въ Англіи долгій парламентъ въ 1641 г., въ Бельгіи—въ 1830 г.

Мы находимся въ иныхъ условіяхъ. Предстоящее Учредительное Собраніе преслѣдуетъ спеціальную цѣль—дать выраженіе организованной волѣ народа. Въ этомъ направленіи нѣтъ тѣхъ усилій, которыя соціалисты не должны были бы затратить, чтобы создать условія, при которыхъ народъ получитъ возможность подготовиться самъ и подготовить свое представительство къ тому, чтобы оно на самомъ дѣлѣ стало зеркаломъ или фотографіей съ подлинной народной воли. Ибо демократія—предпосылка соціализма. Торжество политической свободы и народовластіе—условіе и гарантія соціалистическаго строя.

II.

Учредительныя Собранія всегда и вездѣ созывались при исключительныхъ обстоятельствахъ. Только въ грозу и бурю, когда рѣка выходила изъ береговъ и потокъ народнаго возмущенія сметалъ прогнившіе устои стараго порядка,—созывалось Учредительное Собраніе. Такъ было въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Франціи, Бельгіи, Германіи, Австріи—гдѣ послѣ очистительныхъ бурь рево-

люцій, послѣ борьбы за независимость и національную свободу народъ въ Учредительномъ Собраніи закладывалъ основы новой жизни и новаго правопорядка.

Учредительное Собраніе есть высшее торжество народной воли, верховный органъ народа. Воля народа, и только она одна, получаетъ здѣсь выраженіе и воплощается въ нормахъ права, которыя иногда на долгіе годы предопредѣляютъ дальнѣйшее развитіе страны и народа.

Съ созывомъ Учредительнаго Собранія начинается новая правовая *эра* въ жизни народа. Въ прямомъ и, какъ оказалось, правильномъ разсчетѣ на то, что эта эра не минуетъ Россіи, строились и программы россійскихъ соціалистическихъ партій. Программы партій с.-р. и с.-д. одинаково заканчиваются указаніемъ на то, что партія „агитируетъ за созывъ Учредительнаго Собранія", гдѣ и будетъ отстаивать свою „программу переустройства" (программа партіи с. р.), на то, что „лишь путемъ созыва Учредительнаго Собранія достижимо полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе политическихъ и соціальныхъ преобразованій" (программа р. с.-д. р. п.).

Учредительное Собраніе кладетъ не только новую грань между старымъ порядкомъ и порядкомъ, установленнымъ революціей,—оно кладетъ и качественно иную, непроходимую грань между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что и какъ должно быть. Если революція является *фактически* исходнымъ пунктомъ новаго порядка и новыхъ отношеній, то отъ Учредительнаго Собранія *формально* ведетъ свое начало и получаетъ свою жизнь новое право и новая государственность. И поскольку развитіе общественности въ предѣлахъ историческаго кругозора не можетъ мыслиться внѣ правовыхъ связей, постольку и Учредительное Собраніе, избранное на правильныхъ началахъ, является высшимъ закономъ и властелиномъ. Какъ правомѣрное воплощеніе народной воли,—воля Учредительнаго Собранія верховна и не подлежитъ дальнѣйшей кассаціи или апелляціи.

Воля народа, конечно, и въ Учредительномъ Собраніи будетъ не единодушна: различие интересовъ различныхъ слоевъ и классовъ народа опредѣлитъ и различія въ ихъ мнѣніяхъ и волеизъявленіяхъ. Та „гармонія" между цѣлымъ и частью, между „общей волей" и частнымъ, иногда „ошибочнымъ" мнѣніемъ отдѣльныхъ лицъ и группъ относительно содержанія этой „общей воли", которую предустанавливалъ Руссо въ „Общественномъ договорѣ", была характерна для Руссо и его оптимистическаго XVIII вѣка. *Реальной* же эта гармонія не была *никогда* и *нигдѣ*, ни при какихъ условіяхъ.

Вызвавъ къ жизни Учредительное Собраніе, россійская революція вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ демократіи *подготовиться* къ созыву Учредительнаго Собранія на такихъ началахъ, чтобы воля народа могла выкристаллизоваться и обнаружиться возможно болѣе полно и точно. Предварительная организація народнаго мнѣнія и воли не только

облегчитъ выборы въ Учредительное Собраніе,— она въ значительной мѣрѣ опредѣлитъ направленіе и темпъ работы Учредительнаго Собранія и, быть можетъ, предопредѣлитъ самый исходъ этой работы.

Здѣсь необходимо, прежде всего, отдать себѣ отчетъ въ томъ, что въ этомъ направленіи можно сдѣлать и что поэтому сдѣлать должно и чего, въ реальныхъ условіяхъ ближайшаго будущаго, сдѣлать, все одно, нельзя и что, вслѣдствіе этого, должно остаться внѣ сферы практическаго обсужденія.

И менѣе, чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо можно разсчитывать на установленіе какой-либо „гармоніи" между частной и общей волей на предстоящемъ Учредительномъ Собраніи Россійскаго государства и россійскихъ народовъ. Ибо, какъ уже не разъ отмѣчалось, нигдѣ и никогда еще въ міровой исторіи не бывало, чтобы въ условіяхъ міровой войны государству приходилось рѣшать сразу такое множество сложнѣйшихъ и насущнѣйшихъ вопросовъ—политическихъ, національныхъ, экономическихъ, соціальныхъ,— которое сгрудилось въ настоящее время со всѣхъ концовъ необъятной Россіи и, за вѣка рабства и угнетенія, властно требуетъ безотлагательнаго разрѣшенія. Не исключена возможность,— не исключена не только логически, но и реально,—что въ Учредительномъ Собраніи по нѣкоторымъ вопросамъ получитъ преобладаніе воля народа, не вполнѣ или совсѣмъ не совпадающая съ подлинными интересами трудового класса. Во всякомъ случаѣ, передъ соціалистическимъ движеніемъ открывается сейчасъ безпредѣльная цѣлина, открываются широчайшіе горизонты вмѣстѣ съ необычайной трудности, отвѣтственной передъ страной и міромъ, работой.

Для преодолѣнія многихъ трудностей, возникающихъ по пути къ правовому и государственному самоопредѣленію Россіи въ Учредительномъ Собраніи, необходимо, прежде всего, цѣлесообразно использовать тѣ благопріятныя условія, которыми подарила исторія Россію. Россійскому Учредительному Собранію не придется расширять свою компетенцію, присваивать себѣ чью бы то ни было власть и бороться за признаніе за нимъ учредительныхъ функцій. Это препятствіе уже преодолѣно революціей. *Вся* власть, вся *полнота* власти, „Kompetenz-Kompetenz" Учредительнаго Собранія, уже признана за нимъ въ полной мѣрѣ, признана и закрѣплена въ народномъ сознаніи и въ формальныхъ актахъ. Не только тѣ классы населенія, которые активно участвовали въ революціи, но и тѣ слои, которые пассивно воспріяли свершившуюся революцію, со страхомъ или съ упованіемъ, всѣ одинаково взираютъ на Учредительное Собраніе, какъ на единственно правомѣрный источникъ.

III.

Въ Учредительномъ Собраніи должна получить выраженіе воля народа,—*подлинная* воля *всего* народа, *активно*, *сознательно* и

свободно принявшаго участіе въ выборахъ своихъ представителей въ Учредительное Собраніе. Таково заданіе. Въ какихъ предѣлахъ оно выполнимо?

На пути къ всеобщности избирательнаго права еще недавно стоялъ рядъ преградъ и ограниченій, которыя нынѣ, въ условіяхъ торжествующей революціи, и при выборахъ въ Учредительное Собраніе, конечно, не найдутъ себѣ защиты даже въ средѣ своихъ былыхъ приверженцевъ. Ограниченія, связанныя съ поломъ, съ осѣдлостью,—не говоря уже объ ограниченіяхъ, связанныхъ съ національными, имущественными или образовательными признаками,—въ нашихъ условіяхъ не могутъ уже быть предметомъ спора или обсужденія. Это—элементарно, самоочевидно и, можно сказать, общепризнано.

Избирательное право есть право *личное*, связанное съ тѣмъ или инымъ статусомъ человѣка, а не съ его „проживаніемъ", „домашнимъ обзаведеніемъ", „службой" или инымъ „занятіемъ",—какъ гласитъ п. 3 постановленія Временнаго Правительства „о производствѣ выборовъ гласныхъ городскихъ думъ и объ участковыхъ городскихъ управленіяхъ" („Вѣстн. Времен. Правительства" отъ 16 апрѣля). Этотъ личный характеръ избирательнаго права при выборахъ въ Учредительное Собраніе проступаетъ особенно наглядно: право участвовать въ образованіи „общей воли", которую, какъ волю народа, должны будутъ признавать всѣ граждане Россійскаго государства,—связано съ состояніемъ человѣка гражданиномъ Россійскаго государства и только съ этимъ однимъ.

На этомъ основаніи избирательнымъ правомъ въ россійское Учредительное Собраніе не должны пользоваться лишь граждане другихъ государствъ, такъ называемые иностранные поданные. Тѣ же, которые заявятъ о своей россійской гражданственности до заключенія избирательныхъ списковъ, напримѣръ, политическіе дѣятели и граждане угнетенныхъ націй, вынужденные при старомъ режимѣ эмигрировать и натурализоваться, а нынѣ спѣшащіе вернуться въ обновленную Россію, — всѣ они избирательнаго права лишены быть не могутъ.

Не слѣдуетъ лишать избирательныхъ правъ по *принципіальнымъ* соображеніямъ и тѣхъ гражданъ, которыхъ либеральная традиція обыкновенно предлагаетъ лишить основного гражданскаго права во имя торжества свободы и для обезпеченія правъ народа. Мы имѣемъ въ виду категоріи священнослужителей, монашествующихъ, находящихся на общественномъ призрѣніи, чиновниковъ, военнослужащихъ и т. п.

При торжествѣ демократіи нѣтъ никакой нужды въ мелочныхъ ограниченіяхъ немногочисленной, въ общемъ, группы гражданъ, голоса коихъ обречены поглотиться общимъ сонмомъ голосовъ демократіи. Если священнослужителю или монашествующему церковный

канонъ, религіозная совѣсть дозволяютъ принять участіе въ мірской борьбѣ,—не дѣло свободной государственности налагать на это право запретъ. Также и въ отношеніи къ чиновникамъ. Революціонная Франція по конституціи 1791 г. ограничила лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, въ ихъ пассивномъ избирательномъ правѣ: чиновники, органы исполнительной власти не могли быть депутатами—органомъ законодателннымъ: этого не допускала теорія раздѣленія властей. Этотъ порядокъ съ небольшимъ перерывомъ удержался во Франціи до нашихъ дней. Онъ дѣйствуетъ по другимъ политическимъ основаніямъ,—чтобы не усиливать чиновниками рядовъ парламентской оппизиціи, — и въ Германіи. Ему не должно быть мѣста при торжествѣ демократіи, гдѣ чиновники, переставъ быть „начальствомъ", становятся гражданами, осуществляющими общественно-необходимыя функціи. Избирательное право, активное и пассивное, одинаково связанное съ личностью, не можетъ находиться въ зависимости отъ того или иного проффессіональнаго, религіознаго или должностного положенія.

Въ переживаемыхъ нами условіяхъ—революціи во время войны, революціи, совершенной и поддержанной арміей и флотомъ, и войны, которую вела и должна вести армія и флотъ,—вопросъ о непредоставленіи права участія въ выборахъ въ Учредительное Собраніе лицамъ, состоящимъ на военной службѣ, *психологически* и *политически* не можетъ и возникнуть. Но и юридически надлежитъ признать, что только тамъ, гдѣ арміи не связана съ народомъ, а представляетъ изъ себя касту, спаянную слѣпой и желѣзной дисциплиной, гдѣ „низшіе" и „высшіе чины" перестаютъ быть гражданами,—только тамъ, въ интересахъ государственнаго самосохраненія и самосохраненія касты, такое ограниченіе можетъ имѣть смыслъ и оправданіе. Въ нашихъ условіяхъ народной арміи въ свободномъ государствѣ принципъ стоитъ незыблемо, и вопросъ можетъ итти лишь о способѣ практическаго осуществленія общепризнаннаго принципа во время войны, въ связи съ необходимостью подготовиться къ выборамъ.

Этотъ принципъ стоитъ сейчасъ политически такъ твердо, что оспаривать его открыто и прямо никто не пытается.

Признаніе избирательнаго права личнымъ правомъ допускаетъ лишь такія принципіальныя ограниченія всеобщности избирательнаго права, которыя связаны съ физической или моральной природой личности. Не достигшія гражданской зрѣлости дѣти, душевнобольные и слабоумные, признанные таковыми въ установленномъ порядкѣ, наконецъ, граждане, дисквалифицированные по суду за опредѣленныя, позорящія, несовмѣстимыя съ элементарными предпосылками общежитія дѣянія,—вотъ тѣ три категоріи бывшихъ и будущихъ гражданъ, которые, не будучи къ моменту заключенія списковъ избирателей гражданами въ моральномъ или физическомъ отно-

шеніи, не могутъ и принципіально участвовать въ образованіи общенародной воли.

Старый порядокъ освидѣтельствованія умственнаго и душевнаго состоянія долженъ быть измѣненъ въ томъ направленіи, чтобы лучше 10 ненормальныхъ гражданъ получили возможность участвовать въ выборахъ, нежели одинъ нормальный произвольно лишенъ былъ бы возможности осуществить свое неотъемлемое право. Такъ же и съ дисквалификаціей по суду: лишь строго опредѣленный и весьма ограниченный кругъ дѣяній можетъ быть признанъ основаніемъ политическаго правопораженія.

Наконецъ, возрастный цензъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть выше 20 лѣтъ, какъ то устанавливаютъ программы россійскихъ соціалистическихъ партій и какъ то принято для выборовъ гласныхъ городскихъ думъ. Вопросъ можетъ возникнуть лишь относительно того, слѣдуетъ ли вообще для выборовъ въ Учредительное Собраніе понизить этотъ возрастъ до 19 и 18 лѣтъ, распространить избирательное право на *всѣхъ, родившихся не позже 1898 г.* (въ соотвѣтствіи съ формулировкой о призывѣ къ исполненію наиболѣе отвѣтственной гражданской повинности—воинской) или признать, что требованіе возрастнаго ценза въ настоящихъ условіяхъ *досрочнаго* призыва отпадаетъ въ отношеніи къ лицамъ, находящимся на военной службѣ и не достигшимъ 20-лѣтняго возраста.

Первое рѣшеніе, способствуя омоложенію избирательнаго корпуса, предпочтительнѣе, на нашъ взглядъ, потому, что устраняетъ хотя бы и законное, кровью добытое, но все-же привиллегированное положеніе гражданъ, находящихся на военной службѣ. Конечно, исключительной обязанности соотвѣтствуетъ и исключительное право, и тѣхъ, которыхъ государство признало способными и обязанными защищать Родину, государство можетъ поставить въ особо благопріятныя условія осуществленія ихъ политическихъ правъ,—однако, принципъ *равенства* столь же дорогой для демократіи, какъ и принципъ свободы, былъ бы тѣмъ самымъ нарушенъ.

Надо ли демократіи бояться молодости и ея творческихъ силъ и устремленій? Можно ли вводить такія ограниченія или привиллегіи въ избирательномъ правѣ, если считать его *личнымъ* правомъ и если исходить изъ основного принципа публично-правовой жизни: *нѣтъ правъ безъ обязанностей, какъ нѣтъ обязанностей безъ правъ!*

IV.

Въ Учредительномъ Собраніи самоопредѣляется народная воля, проявляется организованная воля народа къ праву и къ власти. Для проявленія и самоопредѣленія этой воли, говоря словами Руссо, «не всегда нужно, чтобы она была единогласной (unanime), но необхо-

димо, чтобы всѣ голоса были сочтены; всякое формальное исключеніе нарушаетъ общность».

Общее и равное («одинъ человѣкъ — одинъ голосъ») участіе гражданъ въ образованіи народной воли—это предпосылка полноправнаго и полновластнаго Учредительнаго Собранія. Всѣ принципы избирательнаго права либо вытекаютъ изъ этой предпосылки, либо подкрѣпляютъ ее, исходя изъ другихъ основаній.

Воля народа—равнодѣйствующая многихъ противоборствующихъ силъ. Она складывается въ результатѣ сложныхъ, не всегда видимыхъ процессовъ, и ее иногда нелегко даже установить, не то, что опредѣлить съ точностью и безспорностью.

Еллинекъ былъ совершенно правъ въ своемъ утвержденіи, что «проблема правильнаго, справедливаго избирательнаго права абсолютно неразрѣшима», если подъ «справедливымъ избирательнымъ правомъ» разумѣть абсолютное совпаденіе воли избирателей съ волей представительства. Если, по увѣренію специалистовъ, въ природѣ не существуетъ двухъ листьевъ, абсолютно тождественныхъ другъ другу, могутъ ли существовать двѣ идентичныя воли, тѣмъ болѣе—воли коллективныя? Ни при какой избирательной системѣ абсолютное совпаденіе воль представляемыхъ и представителей неосуществимо. Такое заданіе лежитъ внѣ реальныхъ правовыхъ и политическихъ возможностей. Рѣчь можетъ итти лишь о *тенденціи*, о приближеніи къ тому, чтобы воля гражданъ избирателей получила, количественно и качественно, свое наиболѣе полное и точное отраженіе въ волѣ народнаго представительства.

Въ документѣ, впервые въ исторіи современнаго права формулировавшемъ основныя права человѣка и гражданина и учредительную власть народа и сохранившемъ свою силу до настоящаго времени, мы уже встрѣчаемся съ необходимостью опредѣлить волю *всего* народа волею его *большинства*. Въ ст. 3 «Декларации представителей добраго виргинскаго народа» 1776 г. можно прочесть: «Если правительство окажется неудовлетворительнымъ или противорѣчашимъ своимъ цѣлямъ, то большинство націи имѣетъ неоспоримое, неотчуждаемое и неприкосновенное право преобразовывать, измѣнять или устранять его соотвѣтственно тому, какъ это будетъ признано имъ наиболѣе согласнымъ съ благомъ народа».

Для основоположника міровой демократіи, Руссо, также «рѣшеніе большинства обязываетъ всѣхъ остальныхъ» и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ «перевѣсъ одного голоса долженъ быть достаточенъ». («Обществ. договоръ», кн. IV, гл. II).

До нашихъ дней удержался и въ жизни, и въ наукѣ взглядъ, что законъ численнаго большинства—единственно правильный принципъ не только для постановленія рѣшеній народомъ или его представительствомъ, но и для порядка выборовъ народныхъ представителей. «Законъ большинства, — говоритъ Эсменъ,—есть одна изъ

тѣхъ простыхъ идей, которыя сразу заставляютъ признать себя; онъ представляетъ ту характерную черту, что не благопріятствуетъ никому и всѣхъ вотирующихъ ставитъ на одинъ уровень». Проф. Бернатцикъ идетъ еще дальше и, полагая, какъ и Эсменъ, что принципъ большинства есть единственный демократическій принципъ, считаетъ непослѣдовательнымъ рѣшать вопросы въ парламентѣ большинствомъ голосовъ, а выборы производить какимъ-либо инымъ способомъ.

Послѣднее возраженіе врядъ ли заслуживаетъ детальнаго опроверженія. Совершенно очевидно, что одно дѣло — выбирать (выбирать можно по разному) и совершенно другое дѣло—рѣшать; если постановлять рѣшеніе въ зависимости отъ подсчета голосовъ, то единственно возможный способъ—это рѣшеніе большинствомъ.

Гораздо сложнѣе стоитъ вопросъ съ признаніемъ закона большинства единственно справедливымъ демократическимъ принципомъ при выборахъ. Не трудно статистически доказать, что воля большинства представляетъ, въ сущности, не что иное, какъ волю болѣе дѣятельнаго меньшинства. Приведемъ нѣсколько выразительныхъ цифръ.

Избиратели во Франціи, несмотря на всеобщее избирательное право, составляютъ лишь 27% всего населенія. Большая часть французскаго народа не входитъ въ избирательный корпусъ потому, что она ограничена поломъ (женщины), службой (армія и флотъ), осѣдлостью, возрастомъ и т. п. Избранная въ 1903 г. палата депутатовъ представляла лишь 47%, т. е. меньшую половину того меньшинства французскаго народа, которое было формально включено въ избирательные списки. Законодательствованіе почти никогда не протекаетъ при участіи всѣхъ членовъ парламента. И, напримѣръ, законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства былъ вотированъ въ 1905 году 341 депутатами (изъ общаго числа 591), представлявшими всего 2.647.315 избирателей при свыше 10-милліонной численности избирательнаго корпуса. Такимъ образомъ, говорить о томъ, что законы во французской демократической республикѣ выражаютъ волю большинства народа, можно лишь съ большимъ приближеніемъ и оговорками.

Такъ же и въ Германіи. При всеобщемъ избирательномъ правѣ, проектъ новаго увеличенія арміи былъ принятъ рейхстагомъ въ 1903 году большинствомъ 198 голосовъ консерваторовъ, націоналъ-либераловъ, поляковъ и другихъ, представлявшихъ 3.268 тысячъ избирателей, тогда какъ противъ проекта голосовало 187 депутатовъ, имѣвшихъ за собой 4.312 тыс. избирателей. Такимъ образомъ, большинство въ 11 голосовъ, составившееся въ рейхстагѣ, противорѣчило численному соотношенію избирателей, представленныхъ той и другой группой депутатовъ, и не находилось ни въ какомъ соотвѣтствіи ни съ численностью всего избирательнаго кор-

пуса (10.084 тыс. человѣкъ), ни, тѣмъ менѣе, съ численностью германскаго народа, въ 1893 г. превышавшей уже 50 милліоновъ.

Къ этому надо прибавить, что разъ дѣленіе страны на избирательные округа неустранимо,—а для Россіи и ея многомилліоннаго населенія это фактъ непреложный, — то неустранимо и нѣкоторое неравенство въ значеніи, которое въ различныхъ округахъ могутъ имѣть равные въ правѣ выбирать и быть избираемыми граждане. И тутъ дѣло—не въ злокозненной «избирательной географіи» или въ недостаткахъ статистическаго учета, когда у насъ, напримѣръ, все еще даже приблизительно не извѣстно, сколько въ Россіи земли, «хватитъ ли ея на всѣхъ», и сколько въ странѣ жителей. Неустранимая преграда—въ тѣхъ излишкахъ или, наоборотъ, въ томъ недостающемъ до установленной нормы числѣ избирателей, которые будутъ имѣть мѣсто во всѣхъ округахъ и которые, въ большей или меньшей степени, булутъ имѣть значеніе, не равное съ тѣмъ, какое имѣютъ голоса другихъ избирателей. Какъ бы ни были организованы выборы, избирательные округа будутъ организованы изъ разсчета одного члена Учредительнаго Собранія на опредѣленное число избирателей. Абсолютно точно невозможно ни при какихъ условіяхъ разбить страну на избирательные округа съ абсолютно равнымъ числомъ избирателей, примѣрно, въ 100 тыс. человѣкъ, или числомъ избирателей, кратнымъ установленной нормѣ. И тамъ, гдѣ въ избирательномъ округѣ окажется 110, 120, даже 150 тысячъ гражданъ,—тамъ эти излишки въ 10, 20, 50 тысячъ, а, при извѣстной системѣ выборовъ, даже 99.999 голосовъ могутъ оказать вліяніе на качественный исходъ выборовъ, на выборъ того или иного кандидата, но количественно они пропадутъ даромъ, потому что не будутъ имѣть своего представителя въ Учредительномъ Собраніи, не будутъ представлены вообще.

Не абсолютно всеобщее избирательное право,—ограниченія для дѣтей, умалишенныхъ и дисквалифицированныхъ гражданъ, — не абсолютно равное значеніе, которое могутъ имѣть формально равноправные избиратели при неизбѣжномъ дѣленіи страны на избирательные округа, расхожденіе воли избирателей и воли представителей въ силу абсолютной неповторяемости индивидуальныхъ, а тѣмъ болѣе коллективныхъ воль, фактическое неосуществленіе гражданами признаннаго за ними избирательнаго права, и, наконецъ, утвержденіе закона большинства единственнымъ основаніемъ для выборовъ, — все это въ своей совокупности и дѣлаетъ проблему *абсолютно* справедливаго избирательнаго права неразрѣшимой и при выборахъ въ Учредительное Собраніе.

Не задаваясь утопической цѣлью преодолѣть всѣ преграды, лежащія въ самой природѣ всякихъ выборовъ и организаціи всякаго представительства многихъ немногими, надлежитъ, однако, стремиться къ качественному сближенію воли избирателей съ волей

ихъ представителей. Въ этомъ стремленіи и находитъ свой смыслъ и оправданіе система пропорціональныхъ выборовъ. Пропорціональное представительство не отрицаетъ закона большинства, а только вноситъ въ него тотъ существенный коррективъ, что должно быть представлено и меньшинство, и не только меньшинство но всѣ *меньшинства*, всѣ мнѣнія и воли мало-мальски значительныхъ группъ избирателей.

V.

Различное отношеніе къ системѣ пропорціональныхъ выборовъ объясняется различіемъ во взглядахъ на *юридическую природу* и *политическое значеніе* народнаго представительства.

Кратко формулируя различіе, можно сказать, что пропорціоналисты исходятъ изъ признанія пріоритета народной воли и воли избирателей, а антипропорціоналисты—изъ самодовлѣющей цѣнности представительства, считая его первичнымъ правообразующимъ факторомъ не въ силу делегаціи съ чьей-либо стороны, но по закону, конституціи или природѣ вещей. Первые стоятъ на почвѣ ученія Руссо, вторыхъ вдохновляютъ Монтескье и тѣ дѣятели великой французской революціи, которые справедливо считаются отцами не народоправства, а конституціонализма. Сіейесъ, Мабли, Мирабо, Бареръ пытались объединить въ среднемъ ученіи взгляды Руссо со взглядами Монтескье, но по существу ихъ ученіе склонилось опредѣленно въ сторону послѣдняго. Это вызывалось условіями мѣста и времени, въ которыхъ имъ приходилось учить и дѣйствовать. Они вырабатывали свои взгляды въ процессѣ острой борьбы за укрѣпленіе и развитіе основъ народнаго представительства, передъ которымъ стояли громадныя и неотложныя задачи, и которое, одновременно съ тѣмъ, должно было оправдать право на свое существованіе и на осуществленіе имъ власти во имя блага народа и отъ имени народа. Естественно, поэтому, что Сіейесъ восклицалъ: „Гдѣ, какъ не въ національномъ собраніи, искать воли націи?“ И даже для Робеспьера національное собраніе представлялось высшей волей народа, не требующей ничьей санкціи,—ни короля, ни народа.

Народъ по этой доктринѣ совершенно не способенъ къ законодательству: онъ не въ состояніи самъ вести своихъ дѣлъ, разбираться въ обстоятельствахъ. То, что народъ не умѣетъ дѣлать самъ, онъ долженъ дѣлать черезъ своихъ представителей, тѣмъ болѣе, что, не будучи способенъ къ законодательству, народъ удивительно умѣетъ выбирать представителей своего авторитета. Такъ училъ Монтескье. И такъ продолжаютъ учить современные признанные авторитеты конституціоннаго права въ Англіи (Бэджготъ), Франціи (Эсменъ), Италіи (Орландо), Германіи (Лабандъ). Къ тому же направленію примыкаетъ и громадное большинство русскихъ публицистовъ.

Проф. В. М. Гессенъ, въ недавно вышедшей книгѣ „Основы конституціоннаго права“ (1917 г.), выразительно подчеркиваетъ логическую связь между теоретическимъ взглядомъ на природу народнаго представительства и отношеніемъ къ системѣ пропорціональныхъ выборовъ. „Парламентъ не можетъ и не долженъ быть механическимъ клише избирательныхъ массъ. Парламентъ организуетъ общественное мнѣніе, создаетъ, а не отражаетъ volonté générale. Анархію мнѣній, циркулирующихъ въ странѣ, парламентъ претворяетъ въ единую господствующую волю“. Или въ другомъ мѣстѣ: „Какъ воля, направленная на общее благо, общая воля не отражается, а создается народнымъ представительствомъ“; „какъ представительство по закону, народное представительство предполагаетъ недѣеспособность народа, оно отрицаетъ народный суверенитетъ“.

Соціалистическая мысль не имѣетъ единообразнаго мнѣнія по этому вопросу. И рядомъ съ признаніемъ демократизма исторической и логической предпосылкой соціализма и включеніемъ прямого народоправства и пропорціональнаго представительства въ число другихъ программныхъ требованій партіи соц.-рев. не трудно указать авторитетныхъ идеологовъ соціалистическаго движенія, недовѣрчиво относившихся къ основнымъ принципамъ народоправства.

„Прочь съ дороги съ культомъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права!“ — восклицалъ Вильгельмъ Либкнехтъ въ началѣ своей политической дѣятельности. И это восклицаніе вполнѣ соотвѣтствовало тогдашнимъ настроеніямъ Маркса, Энгельса, Альберта Ланге, Бебеля. Имъ вторили россійскіе соціалисты и среди нихъ первый Плехановъ, который опредѣленно писалъ: „Идеалы политической свободы,—верховное право народа, всеобщее избирательное право, во имя которыхъ еще такъ недавно совершались политическія революціи,—въ настоящее время потеряли всякую силу и обаяніе“. И отголоски такого отношенія къ народоправству, характернаго для уровня политической мысли Россіи восьмидесятыхъ годовъ, удержались въ соціалистическихъ рядахъ до начала 20-го вѣка. На второмъ съѣздѣ росс. соц.-дем. раб. партіи тотъ же Плехановъ, отрицая абсолютный характеръ за требованіемъ всеобщаго избирательнаго права и аргументируя его относительную цѣнность и значеніе, поставилъ его въ зависимость отъ интересовъ и выгоды рабочаго класса. Еще въ болѣе общей формѣ это было сдѣлано тогда же Троцкимъ, поддержавшимъ предложеніе Мартова объ исключеніи изъ программы пункта о пропорціональномъ представительствѣ на томъ основаніи, что „всѣ демократическіе принципы должны быть подчинены исключительно выгодамъ нашей партіи“.

Этихъ старыхъ пережитковъ подпольнаго періода соціалистическаго движенія можно было бы и не касаться, если бы они были только въ прошломъ. Къ сожалѣнію, съ увѣренностью сказать, что

эти пережитки сейчасъ уже исчезли, никакъ нельзя. Есть основанiе утверждать обратное.

Какъ бы то было, если стоять на точкѣ зрѣнiя народоправства, завѣщаннаго намъ Руссо, то источникъ общественнаго мнѣнiя, или „воли, направленной на общее благо“, можно видѣть только въ народѣ и въ избирателяхъ, а въ парламентѣ — лишь вторичный органъ, не созидающiй, а выражающiй народную волю. Тогда получаютъ свое принципiальное государственно-правовое обоснованiе и оправданiе какъ всеобщее избирательное право, которое для проф. Гессена „является исторической категорiей и только“, такъ и партiйныя организацiи съ ихъ сплоченностью, такъ и та система выборовъ, при которой народное представительство точнѣе и полнѣе можетъ отразить народную волю. Эта вторая точка зрѣнiя теоретически, конечно, не безспорна, но исторически уже оправдана. И въ этомъ, можетъ быть, наилучшее доказательство ея если не правоты, то жизненности.

Установленiе большаго влiянiя избирателей на дѣятельность представительныхъ учрежденiй и роль, которую все съ большей энергiей начинаютъ играть въ государственномъ управленiи народныя массы, отмѣчаются единодушно всѣми наблюдателями современной жизни демократiи безотносительно къ ихъ политическимъ симпатiямъ. Всѣ они одинаково констатируютъ *„концентрацiю“* и *„демократизацiю“* власти, какъ непреложный фактъ и „новѣйшую фазу“ парламентаризма. Главное измѣненiе, происшедшее въ Англiи послѣ первой избирательной реформы 1832 г., — пишетъ Сидней Лоу въ своей извѣстной книгѣ „Государственный строй Англiи“,—заключалось въ передвиженiи государственной власти отъ парламента къ кабинету, причемъ кабинетъ сдѣлался отвѣтственнымъ въ большей степени передъ самими избирателями, чѣмъ передъ избранными ими представителями. Министры, собственные слуги палаты общинъ, превратились въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ въ ея господъ. Въ свою очередь, избиратели, яснѣе сознающiе теперь, съ измѣненiемъ избирательнаго права, свое могущество, пользуются властью непосредственной, а не только осуществляемой черезъ представителей. За тѣ 13 лѣтъ, что прошли съ того времени, какъ вышла въ свѣтъ книга Лоу, развитiе парламентаризма шло въ томъ же направленiи, не ослабляя, а усиливая свой темпъ.

Съ 18-го вѣка въ теорiи конституцiонализма удержался взглядъ на то, что „власть должна сдерживать власть“, что власти, точнѣе, учрежденiя должны уравновѣшивать одно другое... Тѣ сдержки и противовѣсы, которые имѣетъ въ виду Монтескье, давно перестали дѣйствовать такъ, какъ имъ слѣдовало бы согласно его теорiи. И Сидней Лоу имѣлъ достаточно основанiй къ тому, чтобы уравновѣшивающее взаимодѣйствiе властей въ Англiи, вмѣсто „трехъ сословiй королевства“—монарха, лордовъ общинъ,—усмотрѣть въ *системѣ*

партій. Въ наше время до нѣкоторой степени анахронизмомъ звучитъ и утвержденіе Лоу, будто „двухпартійная система продолжаетъ дѣйствовать, какъ наиболѣе дѣйствительный тормазъ, какой только у насъ есть". Даже въ Англіи, взамѣнъ классической системы двухъ партій, получила развитіе и упрочилась система многихъ партій. Таковъ, очевидно, общій путь всѣхъ демократій.

Значеніе всеобщаго избирательнаго права въ политической жизни удачно сравнивали съ значеніемъ, которое имѣло въ промышленности введеніе пара. Это сравненіе, будучи развито далѣе, дало поводъ другому ученому-пропорціоналисту Кану замѣтить, что крупное производство одерживаетъ верхъ надъ мелкимъ не только въ хозяйственной области, но и въ политической; производство выборовъ въ современныхъ демократіяхъ требуетъ такой организаціи и такихъ средствъ для пропаганды и агитаціи устной и печатной, что только усиліями сравнительно многочисленныхъ людей, объединенныхъ въ союзы, группы или партіи, можно съ большими или меньшими шансами разсчитывать на успѣхъ.

Въ условіяхъ современной развитой политической жизни, въ эпоху „механизаціи" всѣхъ областей человѣческой дѣятельности нѣтъ мѣста такъ называемымъ культурнымъ одиночкамъ. Чтобы стать вровень съ культурой вѣка, онѣ должны перестать быть „одиночками" и сгруппироваться воедино, въ свою партію. Оставаясь же одиночками, онѣ перестаютъ соотвѣтствовать культурѣ.

И если конституція, согласно новѣйшему опредѣленію, это—совокупность политическихъ гарантій противъ численнаго большинства, то одной изъ такихъ гарантій должно быть признано образованіе сплоченныхъ меньшинствъ, сильныхъ общностью программныхъ требованій и единствомъ тактическихъ дѣйствій.

Такія партійныя единства — плодъ развитія современной демократіи. Они — необходимое условіе для организаціи народной воли на основахъ пропорціональнаго представительства.

VI.

Въ пользу организаціи выборовъ въ Учредительное Собраніе на началахъ пропорціональнаго представительства говорятъ не только общетеоретическія соображенія, о которыхъ мы упоминали въ предыдущихъ статьяхъ. За нее не только соображенія политической справедливости или смягченія избирательной кампаніи, которой предстоитъ протечь подъ знакомъ острой борьбы разнородныхъ политическихъ, національныхъ и соціальныхъ интересовъ.

Въ пользу пропорціональной системы выборовъ, какъ это ни кажется страннымъ, говоритъ и вызываемое ею чрезвычайно серьезное упрощеніе техники выборовъ: отпадаетъ необходимость дробить Россію на такое число избирательныхъ округовъ, которое со-

отвѣтствовало бы числу имѣющихъ быть избранными членовъ Учредительнаго Собранія. Отпадутъ трудности, связанныя съ такимъ выкраиваніемъ великаго неизвѣстнаго, которое являетъ собою сейчасъ Россія по числу и расселенности своихъ жителей; устранятся и опасности, связанныя неизбѣжно со всякой «избирательной географіей». И рядомъ съ этимъ доводомъ теряетъ всякое значеніе обычное возраженіе, выдвигаемое противъ пропорціональной системы выборовъ,—будто пропорціональные выборы технически затруднительны, сложны, дороги и непонятны для населенія.

Всякая неиспытанная еще избирательная система представляется населенію сначала непонятной, сложной и затруднительной. Французскій историкъ Вейль напомнилъ недавно, что, когда въ 1848 г. во Франціи вводилась система всеобщаго избирательнаго права, французская академія наукъ сочла ее технически неосуществимой. По разсчетамъ академіи, одинъ только подсчетъ результатовъ парижскихъ выборовъ потребуетъ 354 дня при 12 часовой работѣ. Эти страхи, какъ извѣстно, не оправдались. По отношенію къ пропорціональнымъ выборамъ они тоже въ значительной мѣрѣ преувеличены. И при весьма сложной вюртембергской системѣ пропорціональныхъ выборовъ (по закону 1906 г.) выясненіе результатовъ выборовъ по гор. Штутгарту требуетъ всего 24 часа. Во всякомъ случаѣ, если осуществленіе пропорціональныхъ выборовъ считать вообще желательнымъ, то можно остановиться на такой системѣ выборовъ, которая окажется и элементарной, и понятной, и технически осуществимой, и дешевой. Сравнительная дешевизна пропорціональныхъ выборовъ достигается, между прочимъ, и тѣмъ, что она исключаетъ необходимость перебаллотировки и повторныхъ выборовъ. Если избранный кандидатъ почему-либо не займетъ своего мѣста—откажется, умретъ,—послѣдующіе кандидаты замѣщаютъ выбывшаго въ порядкѣ полученныхъ ими лично или тѣми списками, въ которыхъ значился ушедшій, голосовъ. Въ послѣднемъ случаѣ безъ перебаллотировки сохраняется даже то численное соотношеніе между конкуррирующими списками, которое опредѣлилось при основныхъ выборахъ.

Противъ пропорціональной системы выдвигаютъ обвиненіе въ томъ, что, обезпечивая представительство каждой, сколько-нибудь значительной группы, она вызываетъ *множественность* и *дробность* группировокъ и тѣмъ самымъ обезсиливаетъ представительство.

Это возраженіе противъ пропорціональныхъ выборовъ исходитъ изъ стараго пережитка, заимствованнаго изъ исторіи англійскаго парламентаризма и заключающагося въ томъ, что представительство развивается правильно лишь при наличности двухъ однородныхъ партій большинства и меньшинства, смѣняющихъ другъ друга. Новѣйшій опытъ той же Англіи, а особенно Франціи, наглядно показалъ, что развитіе парламентаризма вовсе не связано непремѣн-

но съ наличностью двухъ консолидированныхъ партій. Подсказанное принципіально отрицательнымъ отношеніемъ къ прпоорціональному представительству и направленное вообще противъ всякой системы пропорціональныхъ выборовъ, это возраженіе по существу неосновательно. По компетентному свидѣтельству Л. Дюги, результатомъ введенія пропорціональныхъ выборовъ въ Бельгіи (зак. 1899 г.) было «увеличеніе сплоченности партій и въ то же время уменьшеніе рѣзкости партійной борьбы». То же отмѣчается и относительно швейцарскаго опыта другими публицистами. Георгъ Мейеръ —убѣжденный противникъ пропорціональныхъ выборовъ—высказывается въ болѣе общей формѣ, что «при пропорціональныхъ выборахъ колебанія въ партійномъ составѣ парламента, несомнѣнно, должны уменьшиться». В. М. Гессенъ въ новѣйшей работѣ «Основы конституціоннаго права», опираясь на рядъ изслѣдованій, полагаетъ, что пропорціональные выборы, устраняя вліяніе избирательныхъ случайностей, усиливаютъ значеніе большихъ и организаціонныхъ политическихъ партій, содѣйствуютъ ихъ консолидаціи и препятствуютъ появленію всякихъ диссидентскихъ теченій въ ихъ средѣ.

Только что изложенное возраженіе, которое дѣлаютъ часто системѣ пропорціональныхъ выборовъ, находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ главнѣйшимъ упрекомъ, который обыкновенно направляютъ противъ пропорціональныхъ выборовъ и въ особенности именно противъ защищаемой нами системы выборовъ по «твердымъ», «связаннымъ», «обязательнымъ» спискамъ. Основной недостатокъ системы усматриваютъ въ чрезвычайномъ усиленіи вліянія политическихъ партій и партійныхъ комитетовъ, въ ростѣ ихъ «деспотизма» и «тиранніи» за счетъ умаленія роли и свободы избирателей.

Пропорціональные выборы, дѣйствительно, немыслимы внѣ организованныхъ политическихъ партій, такъ какъ основная задача этой системы выборовъ при томъ же числѣ избирателей—дать представительство возможно большему количеству группъ, всѣмъ маломальски численно значительнымъ меньшинствамъ.

Какъ бы ни происходили пропорціональные выборы, они необходимо предполагаютъ наличность партійныхъ или групповыхъ кандидатовъ и списковъ. Списки предполагаются и при непропорціональныхъ выборахъ,—когда отъ избирательнаго округа выбираютъ не одно, а нѣсколькихъ лицъ. Больше того, безъ наличности партійныхъ кандидатовъ не бываетъ вообще никакихъ выборовъ, даже когда баллотируется отъ каждаго избирательнаго округа всего по одному кандидату. Наконецъ, вообще всюду, гдѣ народъ въ той или иной формѣ принимаетъ участіе въ государственномъ управленіи, тамъ неизбѣжно существованіе партійныхъ организацій и партійной дисциплины въ ущербъ индивидуальному усмотрѣнію. Можно печалиться вмѣстѣ съ Брайсомъ и Острогорскимъ о томъ, что въ Америкѣ избирателямъ «навязываются кандидаты, которыхъ они

вовсе не знаютъ или которыхъ они не выбрали бы, если бы знали», или о томъ, что въ Англіи «настоящихъ избирателей замѣняютъ нѣсколько профессіональныхъ политикановъ и ихъ приверженцевъ» и т. д. Но этотъ фактъ необходимо принять какъ общій и непреложный законъ развитія современныхъ демократій, независимо отъ того, на какихъ началахъ у нихъ организовано народное представительство, и какая у нихъ дѣйствуетъ избирательная система.

Правда, пропорціональные выборы предполагаютъ большую организованность, большую сплоченность партій. Въ частности, защищаемая нами «система связанныхъ списковъ» въ этомъ отношеніи идетъ дальше другихъ и не допускаетъ въ предѣлахъ намѣченнаго партіей списка индивидуальныхъ оцѣнокъ избирателей. «Гнетъ партій», какъ выражается Г. Мейеръ, дѣйствительно, «сильнѣе всего проявляется при системѣ обязательныхъ списковъ». Но для кого обязателенъ намѣченный партіей списокъ? Только для членовъ партіи и тѣхъ, кто сочувствуетъ и довѣряетъ партіи и ея вождямъ и руководителямъ. Кого «угнетаетъ» партія? Только тѣхъ, кто добровольно принимаетъ и подчиняется ея гнету. Умѣстно ли въ такомъ случаѣ говорить о деспотизмѣ или тиранніи партіи? Volenti non fit injuria! И достаточно ли въ такомъ случаѣ, въ качествѣ возраженія противъ системы связанныхъ списковъ, одного указанія на то, что ею «чрезвычайно усиливается вліяніе партійныхъ комитетовъ и, напротивъ, чрезвычайно умаляется вліяніе избирателя, какъ таковового»? Можно ли считать партійные комитеты «немногочисленной группой безотвѣтственныхъ лицъ», какъ то дѣлаетъ В. М. Гессенъ, возвращаясь къ настроеніямъ, которыя характерны для горячихъ противниковъ существующихъ формъ партійныхъ организацій—Брайса и Острогорскаго? Отвѣтственность партійныхъ комитетовъ сказывается весьма наглядно и, можетъ быть, даже слишкомъ быстро и ощутительно. Вчерашній вождь партіи, некоронованный ея глава, сегодня безжалостно можетъ оказаться низвергнутымъ съ вершины, вмѣстѣ съ партіей, которая сегодня у власти и руководитъ въ согласіи съ волей народа его судьбами, а завтра, разойдясь съ волей народа, очутится въ «оппозиціи и приметъ въ государственномъ строительствѣ лишь косвенное участіе. Это ли можно назвать «безотвѣтственностью»?!

Пропорціональная система отдаетъ выборы въ руки организованныхъ партій или группъ. Избиратель подаетъ голосъ за партійный списокъ, за партію и ея программу, ея кандидатовъ. Конкуррируютъ не отдѣльныя личности, а коллективы. Поэтому, когда противъ пропорціональной системы приводятъ иногда то возраженіе, что она сглаживаетъ различія мѣстныхъ условій, то надо сказать, что въ этомъ какъ разъ и заключается смыслъ и задача пропорціональной системы выборовъ. Эта система благопріятствуетъ тому, что взамѣнъ личныхъ столкновеній, сталкиваются программы,

принципы, различія политическихъ міросозерцаній. Избранникъ перестаетъ быть связаннымъ личными узами со своими избирателями и со своимъ избирательнымъ округомъ. Мѣсто личныхъ узъ и связей занимаетъ общественное признаніе, признаніе людей, объединенныхъ общностью политическихъ убѣжденій и дисциплинированно осуществляющихъ общую партійную волю въ согласіи со свободно избранными руководителями партіи. Всякая партія имѣетъ такихъ вождей, какихъ она заслуживаетъ. И если вожди перестаютъ быть политиками и становятся политиканами, значитъ, и партія перестала быть политической и занялась политиканствомъ. И врядъ ли большой выигрышъ получился бы отъ того, что въ той же Америкѣ, напримѣръ, вмѣсто организованнаго политиканства партійныхъ профессіоналовъ политиканствомъ стала бы заниматься неорганизованно и стихійно, на собственный страхъ и рискъ, вся та масса людей, которые входятъ въ американскія партіи и голосуютъ, какъ имъ указываютъ вожаки, въ партійныхъ цѣляхъ. При низкомъ морально-политическомъ уровнѣ партійныя «козни» все же предпочтительнѣе личной интриги.

Даже противники пропорціональныхъ выборовъ, вродѣ Г. Мейера, вынуждены признать за ними то преимущество, что ими устраняется неестественный союзъ между различными партіями. Пропорціональные выборы не устранятъ, конечно, возможности предвыборныхъ соглашеній различныхъ партій, но они освобождаютъ отъ необходимости вступать иногда въ самыя противоестественныя комбинаціи и соглашенія. Тѣмъ самымъ облегчается возможность публичнаго подсчета силъ и вліянія въ странѣ отдѣльныхъ партій, группъ, направленій, теченій и т. д. Избирательная кампанія при пропорціональной системѣ выборовъ способствуетъ болѣе, чѣмъ при какой другой системѣ, росту политическаго самосознанія народа.

VII.

Существуетъ свыше полутораста различныхъ проектовъ организаціи пропорціональныхъ выборовъ. На какомъ изъ существующихъ варіантовъ слѣдуетъ остановиться, въ конкретныхъ условіяхъ россійской дѣйствительности, для организаціи предстоящихъ выборовъ въ Учредительное Собраніе?

Въ условіяхъ россійской дѣйствительности, съ ея мало и плохо грамотными многомилліонными народностями, раскинутыми на необъятныхъ пространствахъ Европы и Азіи, осуществленіе *всеобщаго* избирательнаго права на началахъ *прямыхъ* и *пропорціональныхъ* выборовъ представляетъ громадныя трудности. Эти трудности окажутся совершенно непреодолимыми, если рискнуть примѣнить теоретически наиболѣе совершенную систему пропорціональныхъ выборовъ—проектъ Томаса Гэра (Hare), который предполагаетъ, что

вся страна должна представить изъ себя одинъ избирательный округъ, и который пока еще нигдѣ примѣненія не нашелъ, несмотря на всю свою стройность и послѣдовательность. Джонъ Стюартъ Милль, какъ извѣстно, именно въ немъ увидалъ въ свое время „великое открытіе въ искусствѣ политики“—„способъ, близкій къ идеальному совершенству“.

Обще говоря, чѣмъ больше избирательный округъ и чѣмъ больше число избираемыхъ отъ округа представителей — членовъ Учредительнаго Собранія, депутатовъ, гласныхъ,—тѣмъ относительно полнѣе достигаются цѣли, преслѣдуемыя системой пропорціональныхъ выборовъ, но тѣмъ технически сложнѣе осуществленіе самыхъ выборовъ. Совершенно, конечно, очевидно, что приходится отказаться отъ того, чтобы вся страна, вся Россія представляла изъ себя одинъ избирательный округъ. Тѣмъ самымъ принципіальная сторона пропорціональныхъ выборовъ, какъ способа сдѣлать представительство фотографическимъ снимкомъ или зеркаломъ представляемыхъ имъ избирателей, въ значительной мѣрѣ умаляется. Это приходится признать, равно, какъ и то, что предпочтеніе, которое можетъ быть въ такихъ условіяхъ оказано той или иной системѣ пропорціональныхъ выборовъ, является не абсолютнымъ, а относительнымъ, дѣломъ не принципа, а политической цѣлесообразности или даже необходимости.

Оставляя открытымъ вопросъ о конкретныхъ предѣлахъ избирательныхъ округовъ, надлежитъ въ нашихъ условіяхъ страны, сравнительно малокультурной, непривычной къ открытой политической дѣятельности и впервые осуществляющей небывало демократическую систему выборовъ,—остановиться на технически простѣйшей системѣ пропорціональныхъ выборовъ. Къ числу наиболѣе простыхъ системъ пропорціональныхъ выборовъ ошибочно относятъ выборы по системамъ такъ называемаго *ограниченнаго* или неполнаго вотума и, такъ называемаго, *кумулятивнаго* или собирательнаго вотума.

Система такъ называемаго ограниченнаго вотума, состоящаго въ томъ, что каждому избирателю предоставляется право подавать свой голосъ лишь за неполное число избираемыхъ въ округѣ кандидатовъ, напр., при трехъ кандидатахъ за двухъ, — не есть, въ сущности, система пропорціональная, потому, что она не столько обезпечиваетъ пропорціональное представительство всѣмъ мнѣніямъ и интересамъ, сколько искусственно ослабляетъ большинство въ пользу ближайшаго къ нему партійнаго меньшинства.

Система такъ называемаго кумулятивнаго голосованія, при которой избирателю, голосующему за кандидатовъ предложеннаго списка, предоставляется право „кумулировать“ или собирать голоса на одномъ или нѣсколькихъ кандидатахъ,—тоже не является системой пропорціональныхъ выборовъ въ собственномъ смыслѣ, а лишь способомъ къ усиленію представительства меньшинства.

Система ограниченнаго вотума имѣетъ смыслъ лишь при наличности двухъ политическихъ партій; при наличности же большаго

числа партій онѣ, какъ правило, остаются непредставленными. Эта система заранѣе и опредѣленнымъ образомъ фиксируетъ соотношеніе между большинствомъ и меньшинствомъ, независимо отъ дѣйствительнаго численнаго соотношенія обѣихъ партій. Кромѣ того, обѣ системы—и ограниченнаго, и кумулятивнаго вотума—не всегда достигаютъ своей цѣли потому, что рѣшающее значеніе при дѣйствіи этихъ системъ играетъ не численность, а дисциплинированность борющихся партій: при досциплинированности партіи большинства меньшинство можетъ не получить на выборахъ ни одного мѣста и, наоборотъ, меньшинство дисциплинированное можетъ легко майоризировать большинство, если послѣднее недостаточно дисциплинировано.

Примѣръ голосованія по системѣ ограниченнаго вотума.—1.000 избирателей должны выбрать 3 представителей.

Варіантъ 1-й. Каждый избиратель имѣетъ право голосовать только за двухъ кандидатовъ. За либераловъ голосовали 660 избирателей, за соціалистовъ — 340; первые получаютъ 2 мѣста, вторые — 1. Соотношеніе численности партій и пріобрѣтенныхъ ими мѣстъ приблизительно точное.

Варіантъ 2-й. За либераловъ голосуютъ 950 избирателей, за соціалистовъ—50; первые тѣмъ не менѣе получаютъ 2 мѣста, вторые удерживаютъ одно; соотношеніе явно несправедливое.

Варіантъ 3-ій. Три партіи: за одну подано 550 голосовъ, за другую—250, за третью—200; первая получаетъ 2 представителей, вторая—1, третья—ни одного.

Варіантъ 4-ый. Большинство дисциплинировано и правильно учло свои силы и силы противниковъ. Либералы насчитываютъ 630 избирателей, соціалисты—370. 210 сторонниковъ либеральной партіи голосуютъ за Иванова и Петрова, 210 — за Петрова и Карпова и 210 — за Карпова и Иванова. Каждый изъ либеральныхъ кандидатовъ—Ивановъ, Петровъ и Карповъ—получаютъ по 420 голосовъ, и всѣ они оказываются избранными, тогда какъ кандидаты соціалистовъ, несмотря на дисциплину своихъ единомышленниковъ, собрали всего по 370 голосовъ.

Варіантъ 5-ый. Большинство не дисциплинировано или неправильно учло свои силы. Около половины сторонниковъ большинства—315 избирателей — голосуютъ за Иванова и Петрова, другая половина—315 избирателей—голосуетъ за Иванова и Карпова. Если соціалисты голосуютъ дружно и не разбиваютъ своихъ голосовъ,—избранными оказываются всего одинъ либералъ Ивановъ (630 г.) и два соціалиста, получившіе по 370 голосовъ каждый.

Примѣръ кумулятивнаго голосованія.—1.000 избирателей должны замѣстить 5 мѣстъ. Каждый избиратель можетъ кумулировать (соединять) всѣ свои 5 голосовъ на одномъ кандидатѣ.

Варіантъ. 1-ый. 600 либераловъ располагаютъ 3.000 голосовъ (600×5); 400 соціалистовъ—2.000 гол. (400×5). Если либералы

сосредоточатъ свои голоса на трехъ кандидатахъ, а соціалисты на своихъ двухъ, то каждый изъ кандидатовъ получитъ по 1.000 голосовъ. Каждая изъ партій будетъ представлена соотвѣтственно своей численности.

Варіантъ 2-ой. Либералы, преувеличивъ свои силы, выставили полный списокъ своихъ кандидатовъ: на каждаго изъ 5 кандидатовъ придется по 600 голосовъ (3.000 : 5); соціалисты свои 2.000 голосовъ распредѣлили между 3 кандидатами. Каждый изъ послѣднихъ получитъ 666 голосовъ и избранными окажутся 3 соціалиста при 2.000 избирательныхъ голосахъ и 2 либерала при 3.000 голосахъ.

Варіантъ 3-ій. Либералы, недооцѣнивъ своихъ силъ, сосредоточили голоса всего на двухъ кандидатахъ. Каждый изъ нихъ получитъ по 1.500 голосовъ и окажется избраннымъ наряду съ тремя соціалистами, избранными при 666 голосовъ каждый.

Изъ всѣхъ системъ пропорціональныхъ выборовъ наиболѣе простой, понятной и дешевой, несомнѣнно, является система такъ называемыхъ связанныхъ, обязательныхъ или твердыхъ списковъ, которая предложена была въ Швейцаріи въ 1862 г. — примѣняется на практикѣ въ Сербіи (конституція 1888 г. и уставъ сербскаго королевства 1903 г. § 92) и принята въ Россіи для выборовъ въ городскія думы, согласно постановленію Временнаго Правительства отъ 15 апрѣля с. г.

Именно эту систему, на нашъ взглядъ, цѣлесообразнѣе всего было бы рекомендовать при выборахъ въ Учредительное Собраніе.

Суть системы заключается въ слѣдующемъ. Въ заявляемыхъ спискахъ каждая партія или группа избирателей намѣчаетъ своихъ кандидатовъ въ порядкѣ убывающей желательности ихъ для партіи. Избиратели голосуютъ не за тѣхъ или иныхъ кандидатовъ, а за тотъ или иной списокъ. Въ отличіе отъ системы такъ называемыхъ свободныхъ списковъ, система связанныхъ не допускаетъ проявленія личныхъ симпатій или антипатій избирателя къ тому или иному кандидату въ предѣлахъ списка, за который избиратель рѣшилъ голосовать. Онъ не въ правѣ перемѣщать очереди намѣченныхъ спискомъ кандидатовъ, вычеркивать ему неугодныхъ или „панашировать“ кандидатовъ, т. е. вписывать ихъ изъ разныхъ списковъ. Онъ долженъ или принать списокъ цѣликомъ, или его отвергнуть, тоже полностью.

Избранные кандидаты опредѣляются слѣдующимъ образомъ. Подсчитывается общее число поданныхъ записокъ или бюллетеней, т. е. число голосовавшихъ избирателей, и это число дѣлится на число мѣстъ, подлежащихъ замѣщенію въ данномъ округѣ. Полученное частное носитъ техническій терминъ „избирательнаго частнаго“, „коэффиціента“, „знаменателя“, „дѣлителя“, „метра“. При помощи избирательнаго частнаго опредѣляется количество мѣстъ, приходящихся на каждый изъ заявленныхъ списковъ. Для этого число голосовъ, поданныхъ за каждый списокъ, дѣлятъ на избира-

тельное частное. Каждый списокъ получаетъ столько мѣстъ, сколько разъ избирательное частное содержится въ общемъ числѣ поданныхъ за него голосовъ. Если такимъ образомъ, т. е. дѣленіемъ общаго числа голосовъ, поданныхъ за списокъ на избирательное частное, окажется избраннымъ не все число лицъ, подлежащихъ избранію отъ даннаго округа, то избранными въ порядкѣ расположенія въ каждомъ спискѣ признаются кандидаты тѣхъ списковъ, въ которыхъ при изложенномъ выше дѣленіи получатся остатки, ближе всего подходящіе къ избирательному частному. При равенствѣ остатковъ предпочтеніе дается списку, отъ котораго не прошелъ еще ни одинъ кандидатъ; въ Сербіи въ такихъ случаяхъ списокъ опредѣляется жребіемъ.

На практикѣ система эта проще, нежели кажется при изложеніи или чтеніи.

Для наглядности приведемъ примѣръ. Избирательный округъ долженъ избрать 10 представителей. Всего подано записокъ или голосовало 1.000 избирателей, которые подали за списокъ № 1—410 голосовъ, за списокъ № 2—190 голосовъ, за № 3—155 голосовъ, за № 4—120 голосовъ, за № 5—80 голосовъ и за № 6—45. Избирательное частное опредѣлится 1.000 : 10 = 100.

Отъ дѣленія послѣдовательно всѣхъ списковъ на избирательное частное получили:

№ 1	списокъ,	4	и въ остаткѣ	10	голосовъ.
№ 2	„	1	„ „ „	90	„
№ 3	„	1	„ „ „	55	„
№ 4	„	1	„ „ „	20	„
№ 5	„	0	„ „ „	80	„
№ 6	„	0	„ „ „	45	„

Избранными, такимъ образомъ, окажутся прежде всего: 4 кандидата перваго списка, 1 кандидатъ второго, 1—третьяго, 1—четвертаго; остальныя три мѣста отойдутъ въ порядкѣ наибольшихъ остауковъ кандидатамъ второго списка (90 голосовъ въ остаткѣ), пятаго (80 голосовъ въ остаткѣ) и третьяго (55 голосовъ).

Въ конечномъ итогѣ:

Списки.	Число голосовъ.		Имѣютъ	
№ 1	410	голосовъ,	4	представителей.
№ 2	190	„	2	„
№ 3	155	„	2	„
№ 4	120	„	1	„
№ 5	80	„	1	„
№ 6	45	„	0	„
	1.000	голосовъ	10	представителей.

Этотъ примѣръ типичный. Онъ типично для данной системы подчеркиваетъ положительныя и отрицательныя ея стороны. Пропорція соблюдена не полная, а приблизительная, такъ какъ абсолютно точно, конечно, никакая пропорціональная система не можетъ раздѣлить недѣлимо-цѣлыя единицы представителей. Соотношеніе чиселъ не всюду равное: списокъ № 3, собравшій на 35 голосовъ больше № 4, получилъ второго представителя, а списокъ № 4, собравшій на 40 голосовъ больше № 5, другого представителя не получилъ. Ариѳметически—это несообразность, но политически—это неизбѣжность: при тѣхъ цѣляхъ, которыя ставитъ себѣ пропорціанальная система выборовъ,—дать выраженіе возможно большому числу мнѣній съ оказаніемъ нѣкотораго предпочтенія непредставленному меньшинству и при технической невозможности дробить цѣлое число представителей на доли,—приходится заранѣе итти на нѣкоторое неравенство и несовершенство, лежащія въ самой природѣ всякой системы выборовъ.

Технически расчетъ производится проще. Два послѣдовательныхъ дѣйствія—установленіе избирательнаго частнаго и дѣленіе числа поданныхъ на каждый списокъ голосовъ на избирательное частное—можно свести къ одной общей формулѣ; количество голосовъ, поданныхъ за каждый изъ списковъ = a (въ нашемъ примѣрѣ: 410, 190, 155, 120, 80 и 45) надлежитъ помножить на число мѣстъ, подлежащихъ избранію = b (въ нашемъ примѣрѣ—10) и раздѣлить на общее число всѣхъ голосовавшихъ = c (въ нашемъ примѣрѣ—1000). Тогда число мѣстъ, приходящихся на каждый списокъ опредѣлится:

$$\text{Списокъ № } 1 = \frac{ab}{c} = \frac{410 \times 10}{1000} = 4{,}1$$

$$\text{„ № } 2 = \text{„} = \frac{190 \times 10}{1000} = 1{,}9$$

$$\text{„ № } 3 = \text{„} = \frac{155 \times 10}{1000} = 1{,}5$$

$$\text{„ № } 4 = \text{„} = \frac{120 \times 10}{1000} = 1{,}2$$

$$\text{„ № } 5 = \text{„} = \frac{80 \times 10}{1000} = 0{,}8$$

$$\text{„ № } 6 = \text{„} = \frac{45 \times 10}{1000} = 0{,}4$$

Избранными считаются изъ каждаго списка, въ порядкѣ внесенія, столько кандидатовъ, сколько цѣлыхъ единицъ получится въ итогѣ приведеннаго вычисленія. Если въ итогѣ получатся цѣлыя числа съ дробями или только дроби и, при помощи цѣлыхъ чиселъ, всѣ подлежащія распредѣленію вакансіи не будутъ замѣщены, то послѣдующія мѣста будутъ заняты кандидатами списковъ въ порядкѣ

относительной величины дробей, полученныхъ каждымъ спискомъ. Въ нашемъ примѣрѣ цѣлыя числа опредѣлятъ семь мѣстъ № 1, № 2, № 3 и № 4 списковъ, оставшіяся три мѣста будутъ замѣщены изъ списковъ № 2, № 5 и № 3 въ порядкѣ убывающихъ дробей.

$$\frac{9}{10},\ \frac{8}{10} \text{ и } \frac{5}{10}$$

Существуютъ разные пріемы распредѣленія мѣстъ между спискеми. Система „наибольшихъ остатковъ", (или Франкфуртская система"), предложенная Гэромъ и Массо, получила примѣненіе въ различныхъ кантонахъ Швейцаріи (Невшатель, Женева, Цугъ, Фрейбургъ).

Наибольшимъ признаніемъ въ наукѣ и широкимъ распространеніемъ на практикѣ пользуется способъ бельгійскаго ученаго Донта, примѣняемый, между прочимъ и въ наиболѣе крупныхъ государствахъ, введшихъ систему пропорціональныхъ выборовъ,—въ Бельгіи, и въ Вюртембергѣ. Именно этотъ пріемъ разсчета принятъ и закономъ о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе.

По методу Донта число голосовъ, поданныхъ во всемъ избирательномъ округѣ за каждый изъ предварительно заявленныхъ списковъ съ кандидатами, дѣлится послѣдовательно на рядъ натуральныхъ чиселъ: 1, 2, 3, 4. 5 и т. д. Изъ полученныхъ при этомъ дѣленіи частныхъ выдѣляются наибольшія частныя въ количествѣ равномъ числу членовъ, подлежащихъ избранію въ данномъ округѣ. Частныя располагаются въ порядкѣ ихъ убывающей величины. Послѣднее изъ такихъ частныхъ явится „числомъ - распредѣлителемъ" или избирательнымъ знаменателемъ. Число мѣстъ, приходящихся на каждый списовъ, опредѣляется путемъ дѣленія числа голосовъ, собранныхъ даннымъ спискомъ, на число - распредѣлитель. Если избирательный знаменатель по своему числовому выраженію случайно совпадаетъ по двумъ или нѣсколькимъ спискамъ,—то при числовомъ равенствѣ предпочтеніе отдается кандидату того изъ списковъ, за который вообще было подано больше голосовъ. При теоретически, допустимомъ, но фактически невѣроятномъ случаѣ равенства и общаго числа полученныхъ голосовъ вопросъ рѣшается жребіемъ.

Для наглядности изложенія возьмемъ хотя бы тотъ числовой примѣръ который приведенъ выше.

	Спис. № 1.	Спис. № 2.	Спис. № 3.	Спис. № 4.	Спис. № 5.	Спис. № 6.
При дѣленіи на 1	410	190	155	120	80	45
„ „ „ 2	205	85	77	60	40	—
„ „ „ 3	136	61	—	—	—	—
„ „ „ 4	102	—	—	—	—	—
„ „ 5	82	—	—	—	—	—

и т. д., если надо было бы избрать больше, чѣмъ 10 кандидатовъ.

Изъ этихъ раздѣльныхъ рядовъ составляется общій рядъ. Для этого берутъ сначала наибольшее изъ всѣхъ полученныхъ частныхъ, независимо отъ того, въ какомъ оно ряду, такимъ въ нашемъ примѣрѣ будетъ число 410, стоящее въ первомъ ряду, затѣмъ берется слѣдующее по величинѣ число 205, стоящее въ томъ же первомъ ряду; затѣмъ слѣдующія въ порядкѣ убывающей величины числа: 190, 155, 136, 120, 102, 85, 82 и 80. Такъ какъ избранію подлежали 10 кандидатовъ, то надо было взять десять чиселъ. Число, стоящее на послѣднемъ изъ подлежащихъ избранію мѣстъ, въ данномъ случаѣ на десятомъ, число 80 явится избирательнымъ знаменателемъ. Дѣленіемъ общаго числа голосовъ, полученныхъ каждымъ изъ списковъ, 410, 190, 155 и т. д. на 80 опредѣлится число кандидатовъ, избранныхъ по каждому списку:

по	списку	№ 1 = 5	представителей
„	„	№ 2 = 2	„
„	„	№ 3 = 1	„
„	„	№ 4 = 1	„
„	„	№ 5 = 1	„
„	„	№ 6 = 0	„

Остатки, получающіеся при дѣленіи, какъ бы значительны и различны по своей величинѣ они ни были, не оказываютъ никакого вліяніе на итоги выборовъ. Въ этомъ отличіе системы Донта отъ вышеизложенной франкфуртской системы. Такимъ образомъ при общихъ способахъ разсчета пропорція достигается не абсолютная, а относительная, соотношеніе остатковъ не равное, причемъ это неравенство *остатковъ* при примѣненіи системы Донта можетъ быть больше, нежели при примѣненіи системы франкфуртской. Изъ сопоставленія *итоговъ* разсчета по тому и другому методу видно, что итоги эти могутъ и не совпадать. Въ нашемъ примѣрѣ по разсчету Донта списокъ № 1 получить лишнее мѣсто за счетъ списка № 3: 5 вмѣсто 4 и 1 вмѣсто 2. Вообще, надо сказать, что методъ Донта какъ общее правило, даетъ нѣкоторое преимущество партіи, собравшей при пропорціональныхъ выборахъ сравнительно большее число голосовъ, тогда какъ методъ „наибольшихъ остатковъ" благопріятствуетъ меньшинствамъ и стремится какъ бы обезпечить представительство наибольшаго числа мало-мальски значительныхъ группъ избирателей.

Система твердыхъ списковъ исключаетъ возможность для избирателей исправлять заявленные списки по своему индивидуальному усмотрѣнію, тѣмъ самымъ отпадаетъ рискъ признанія многихъ записокъ или бюллетеней недѣйствительными, какъ неправильно заполненныхъ. Эта же система „связанныхъ списковъ" гарантируетъ выборы отъ широко распространеннаго шиканированія или порчи

списковъ конкурирующими партіями: малочисленныя группы избирателей, безсильныя провести своего кандидата, объединяютъ свои усилія на причиненіе вреда другимъ, на лишеніе той или другой группы наиболѣе достойнаго и цѣннаго ея кандидата. Планы значительнаго числа избирателей, дисциплинированно и единодушно голосующихъ за какой-нибудь списокъ, могутъ быть искажены ничтожной кучкой шиканеровъ: какіе нибудь 10 чел. отдаютъ свои „свободные“ голоса кандидату, значащемуся въ спискѣ на послѣднемъ мѣстѣ, и, если на долю партійнаго списка приходится всего одно мѣсто,—списокъ можетъ быть „обезглавленъ“: будетъ избранъ не глава или лидеръ партіи, а заурядный „соломенный“ кандидатъ.

Практика показываетъ, что даже въ высоко-культурныхъ странахъ (напр., въ Бельгіи, Швейцаріи) правомъ свободнаго указанія кандидатуръ, предпочтеніемъ и „панашированіемъ“ отдѣльныхъ кандидатовъ изъ разныхъ списковъ избирателей пользуются сравнительно слабо, и оно, въ общемъ, оказываетъ незначитеьлное вліяніе на исходъ выборовъ. Необычайно осложняя технику выборовъ, система свободныхъ кандидатуръ, кромѣ „голаго права“ свободнаго избранія, имѣетъ за себя сравнительно мало положительныхъ поводовъ.

Противъ системы твердыхъ списковъ приводятъ иногда и такой отводъ: связывая индивидуальную волю избирателей, система твердыхъ списковъ вызываетъ чрезмѣрно большое число конкурирующихъ списковъ и влечетъ за собой массовый абсентоизмъ избирателей. Нетрудно, однако, замѣтить, что оба эти утвержденія до извѣстной степени противорѣчатъ одно другому. Ибо, поскольку твердые списки грозятъ вызвать абсентеизмъ избирателей, лишенныхъ возможности голосовать за угодныхъ имъ кандидатовъ,—эта угроза устраняется возможностью для каждой группы избирателей выставить *свой* списокъ и быть, такимъ образомъ, заинтересованной въ исходѣ выборовъ. Заявленіе чрезмѣрно большого числа списковъ, открывая просторъ самостоятельной и изолированной оцѣнкѣ кандидатовъ со стороны любой небольшой группы избирателей, грозитъ не абсентеизмомъ избирателей, а распыленіемъ выборовъ, сведеніемъ борьбы за политическіе принципы къ узкой личной борьбѣ за мѣста въ интересахъ опредѣленной колокольни, группы и т. п. Такого искаженія политическихъ выборовъ, одинаково возможныхъ и при мажоритарныхъ выборахъ, и при пропорціональныхъ, и при связанныхъ спискахъ, и при свободныхъ—можно избѣжать лишь общимъ оздоровленіемъ политической атмосферы энергичной принципіальной пропагандой и путемъ широкихъ предвыборныхъ соглашеній всѣхъ группъ, теченій и направленій, связанныхъ общностью своего соціально-политическаго міровоззрѣнія.

Вѣра Дж. Ст. Милля въ то, что система пропорціональныхъ выборовъ освободитъ политическую жизнь отъ партійнаго деспотизма, и избиратели получатъ возможность послать наиболѣе ори-

гинальныхъ и выдающихся людей страны безъ обязанности присоединиться къ какой-либо партіи,—эта вѣра была неосновательна и для той эпохи, когда жилъ Милль. Она тѣмъ менѣе основательна для нашего времени, эпохи „машинизаціи" всѣхъ областей человѣческой дѣятельности. Безъ какихъ-либо специальныхъ партійныхъ основаній и видовъ никакая партія никого не включаетъ въ свой списокъ. Но ничто не мѣшаетъ „наиболѣе оригинальнымъ и выдающимся людямъ страны" составить свою группу и свой списокъ, и если списокъ встрѣтитъ сочувствіе у достаточнаго числа избирателей, „наиболѣе оригинальный и выдающійся человѣкъ страны" займетъ мѣсто среди другихъ представителей, какъ представитель своей группы, или „партіи".

Чтобы сохранить свою партійную или групповую самостоятельность, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстной мѣрѣ застраховать голоса, которые могутъ быть поданы за предлагаемый списокъ, отъ потери или риска, при недостаточномъ числѣ собранныхъ въ пользу даннаго списка голосовъ, оказаться совсѣмъ непредставленными и своими непредставленными „остатками" сослужить службу партіи враждебной, цѣлесообразно допускать возможность примѣненія и въ русскихъ условіяхъ вюртембергской практики *соединенія списковъ*, выставляемыхъ наиболѣе близкими другъ къ другу партіями. Этотъ принципъ принятъ и закономъ о выборахъ во Всероссійское Учредительное Собраніе. Заявленные заблаговременно избирательному бюро соединенные справки разсматриваются во внѣ, въ отношеніи къ другимъ конкурирующимъ спискамъ, какъ единый списокъ; въ отношеніи же другъ къ другу соединяемые списки сохраняютъ полную самостоятельность и въ избирательной борьбѣ фигурируютъ раздѣльно. Такимъ образомъ, „соединеніе" происходитъ только въ начальной и заключительной стадіяхъ избирательной кампаніи: при заявкѣ списковъ и при подсчетѣ голосовъ и распредѣленіи мѣстъ. Всѣ голоса, поданные въ избирательномъ округѣ за списки, входящіе въ составъ одного и того же „соединенія", складываются вмѣстѣ и уже затѣмъ приходящееся на „соединеніе списковъ" общее число мѣстъ распредѣляется сообразно числу голосовъ, полученныхъ каждымъ изъ входящихъ въ „соединеніе" списковъ.

Для наглядности опять обратимся къ числовому примѣру,—остановимся на прежнихъ цыфрахъ. Допустимъ, не позднѣе, чѣмъ за 15 дней до дня выборовъ въ Учредительное Собраніе, какъ того требуетъ избирательный законъ, группы избирателей, представившія списки № 2, № 3 и № 5, заявляютъ о соединеніи этихъ списковъ. По окончаніи выборовъ, при распредѣленіи мѣстъ, голоса, собранные соединенными списками, складываются вмѣстѣ и общая сумма,—въ данномъ примѣрѣ, 420=190+155+80,—сопоставляется по методу Донта съ числомъ голосовъ другихъ списковъ какъ вошедшихъ, такъ и не вошедшихъ въ соединеніе.

При дѣленіи.	Списокъ № 1.	Списокъ соединенія (№ 2+№ 3+№ 5).	Списокъ № 4.	Сиисокъ № 6.
На 1	410	420	120	45
„ 2	205	210	60	—
„ 3	136	140		
„ 4	102	105		
„ 5	82	84		

Числомъ - распредѣлителемъ или избирательнымъ частнымъ будетъ 84. На списокъ № 1 придется 4 мѣста, на списокъ соединенія 5 мѣстъ и на списокъ № 4 — 1 мѣсто. Затѣмъ происходитъ по тому же правилу распредѣленіе мѣстъ между списками, вступившими въ соединеніе. На „соединеніе" пришлось всего 5 мѣстъ, которые распредѣлятся:

При дѣленіи.	Списокъ № 2.	Списокъ № 3.	Списокъ № 5.
На 1	190	155	80
„ 2	85	77	40
„ 3	61	51	—

При избирательномъ знаменателѣ=77 списокъ № 2 получитъ 2 мѣста, списокъ № 3 — тоже 2, а списокъ № 5—1.

Въ общемъ итогѣ: списокъ № 1=4 мѣста, № 2=2 мѣста, № 3=2 мѣста, № 5=1 мѣсто и № 6=1 мѣсто. Разумѣется, случайно совпавшій въ нашемъ примѣрѣ съ тѣмъ, который получился при распредѣленіи мѣстъ по системѣ „наибольшихъ остатковъ", объясняется не недостатками системы Донта, а тѣмъ, что остатки, оставшіеся непредставленными и идущіе по разсчету Донта всегда на пользу списка, собравшаго наибольшее число голосовъ въ данномъ случаѣ списка № 1, при соединеніи списковъ всегда идутъ въ пользу соединенія. Въ данномъ примѣрѣ этихъ „остатковъ" или пропадавшихъ для каждаго списка въ отдѣльности голосовъ, оказалось столько, что они дали возможность „соединенію", застраховавшему свои списки отъ безцѣльной потери остатковъ, получить еще одно мѣсто, за счетъ главенствующей партіи.

Съ отмѣченными выше оговорками и поправками намъ представляется и желательными и возможными пропорціональные выборы въ Учредительное Собраніе на основѣ твердыхъ списковъ. Почти всѣ возраженія противъ системы твердыхъ списковъ, на нашъ взглядъ, бьютъ не столько по этой системѣ, сколько, вообще, по принципу пропорціональнаго представительства, и направлены, въ сущности, противъ всякой системы пропорціональныхъ выборовъ. И, наоборотъ, кто *за* пропорціональное представительство, тотъ не можетъ быть *противъ* выборовъ по системѣ твердыхъ списковъ, особенно, въ условіяхъ русской жизни.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Петроградская Издательская Комиссія, Галерная, 27.

1. Наша программа (популярное изложеніе) . . . . 15 к.
4. Гардинсъ. Почему я соціалистъ . . . . 15 "
5. Лаврусевичъ. Чего хотятъ друзья народа . . . . 15 "
7. Новоторжскій. Соціализація земли . . . . 25 "
9. Динштейнъ. Кто чѣмъ живетъ . . . . 15 "
11. П. Вихляевъ. Какъ уравнять пользованіе землей . . . . 15 "
12. А. Шрейдеръ. Царь-Голодъ . . . . 20 "
13. В. Черновъ. Война и третья сила . . . . 6 "
14. В. Черновъ. Интернаціоналъ и война . . . . (Распр.) 50 "
15. Глыба. Разговоръ солдата объ отреченіи царя . . . . (Распр.) 50 "
16. В. Цвѣткова. Какъ лучше распредѣлить землю . . . . 6 "
17. Н. Брюллова-Шаскольская. Народности Россіи и ихъ требованія . . . . 6 "
18. В. Черновъ. Крестьянинъ и рабочій, какъ эконом. категоріи . . . . 6 "
19. Б. Коварскій. Сокращеніе рабочаго времени и 8-ми часовой рабочій день . . . . . 50 "
20. Б. Коварскій. Е. К. Брешковская съ автобіогр. бабушки русской революціи . . . . 25 "
21. Ст. Слетовъ. Къ исторіи возникновенія Партіи С.-Р. . . . . 50 "
22. В. Черновъ. Сквозь туманъ грядущаго . . . . 1 р. — "
23. А. Шрейдеръ. О налогахъ . . . . 60 "
24. Б. Корсинъ. Сущность ученія Соц.-Рев. (поп. изд.) . . . . 10 "
25. В. Трутовскій. О муниципальной программѣ . . . . 20 "
26. В. Черновъ. Имперіалистическія мечты . . . . 25 "
27. И. Бѣлочкинъ. Земля и воля трудовому народу . . . . 25 "
28. Резолюціи, принятыя на 3-мъ съѣздѣ П. С.-Р. съ предисловіемъ Ц. К. . . . . 15 "
29. А. Бахъ. Царь-Голодъ. Ч. I . . . . 12 "
30. В. Цвѣтнова. Какъ производить выборы . . . . 40 "
31. Діэзъ. Сказка о царѣ-недоумкѣ . . . . 6 "
32. Глѣбъ Сенровъ. Минимумъ заработной платы . . . . 30 "
33. Шэфле. Сущность соціализма съ прим. П. Лаврова . . . . 8 "
35. М. Вишнякъ. Личность въ правѣ . . . . 90 "
38. В. Лунневичъ. Что такое Учредительное Собраніе . . . . 70 "
39. В. Лунневичъ. Какове должны быть земельные порядки на Руси . . . . 12 "
40. В. Лунневичъ. Вся власть—всему народу . . . . 20 "
41. В. Лунневичъ. Борцы за право и свободу . . . . 20 "
42. В. Лунневичъ. Право человѣка и гражданина . . . . 30 "
43. Б. Черненковъ. Основные законы о землѣ . . . . 20 "
44. В. Цвѣтнова. Почему крестьяне не должны голосовать за П. Н. С. . . . . 20 "
45. Н. В. Брюллова-Шаскольская. П. Соціалистовъ-Революціонер. и Національн. вопросъ. 12 "
46. В. Левинъ. Фабрично-заводскіе комитеты . . . . 30 "
47. Б. Камновъ. Историко-философскія воззрѣнія П. Л. Лаврова . . . . 12 "
49. Д. Рановъ. Война и финансы . . . . 45 "
51. Б. Свидерскій. Трудъ и капиталъ . . . . 30 "
55. В. Трутовскій. Что крестьянамъ дѣлать въ земствѣ . . . . 20 "
56. В. Лунневичъ. Какъ должно вестись народное хозяйство . . . . 15 "
35 "

ПЕЧАТАЮТСЯ:

34. Викторъ Черновъ. Земля и право.
36. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи съ прим. Л. Э. Шишко.
37. Д. Самойловъ. Профессіональные союзы.
48. В. Черновъ. Германская соціаль-демократія.
50. И. Николаевъ. Невидимыя подати.
52. М. Гоцъ. Система правды.
53. В. Черновъ. Основн. вопр. пролет. движ.
54. Николаевъ. Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ.
57. В. Черновъ. Марксизмъ и славянство.
58. П. Вихляевъ. Соціал. зад. и прогр. сельск. хоз.
59. М. Капица. Охрана женск. и дѣтск. труда.
60. М. Вишнякъ. Учред. Собр. и пропорц. выб.
61. М. Вишнякъ. Избир. законъ и Учред. Собр.
62. А. Фейтъ. Кого выбир. въ Учр. Собр.
63. В. Лунневичъ. Наши непорядки.
64. Г. Сенровъ. Профессіон. союзы.
65. Святицкій. Учредит. Собр.
66. Е. Труппъ. Республика безъ президента.
67. В. Левинъ. Что дастъ соц. з. гор. раб.

